

С. А. БУЛАТОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТНОГО ДЕЛА АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ МАЛОЙ АЗИИ В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Электровые монеты Малой Азии привлекли внимание ученых еще в первые десятилетия XIX в. Несмотря на определенную степень изученности этих монет, многие проблемы до сих пор не могут считаться окончательно решенными и продолжают оставаться в центре внимания исследователей (1). Наибольший интерес вызывает чеканка Кизика. Кроме того, в разное время к выпуску монет из электра обращались Фокея, Митилена и Лампсак. Однако последний чеканил электровые статеры лишь короткое время, а гекты Фокея и Митилены уступали кизикинам по качеству металла (2).

Немаловажной частью изучения электровой чеканки, в первую очередь Кизика, являются вопросы типологии. Специфика кизикинов заключается прежде всего в обилии и разнообразии изображений, а также в длительном, до конца электровой чеканки, сохранении архаических признаков (толстый неправильной формы кружок, односторонность изображения и анэпиграфность). Кроме того, городская эмблема (тунец) занимает подчиненное положение, в то время как магистратский символ является основным. Высокие художественные достоинства кизикинов, выпускавшихся с небольшими перерывами в течение почти двух с половиной столетий, и постоянно меняющиеся магистратские символы (рис. 1) превращают эти монеты в самостоятельные памятники античного искусства. Этим однако не исчерпываются информативные возможности кизикских статеров. Особенности типологии кизикских монет позволяют рассматривать и такие вопросы, как организация работы монетного двора, относительная и абсолютная датировка монетных серий.

На самых ранних монетах Кизика, выпущенных в первой половине VI в. до н. э., городской герб занимает монетное поле в качестве основного и единственного типа. При этом

тунец и его части (голова, хвост) выступают в различных комбинациях. Такое же использование городского герба находим на ранних монетах Милета, Фокея, наконец, на серебряных эмиссиях Кизика (3). Следующая серия кизикинов претерпевает изменения — кроме тунца на лицевой стороне появляется еще како-либо изображение, которое занимает место основного типа, вытеснив городскую эмблему на роль добавочного. Резчики монетных штемпелей зачастую стремятся с помощью художественных средств оправдать его присутствие и сделать органической частью композиции — тунец заменяет линию почвы под ногами человека или животного, вступает во взаимодействие с основным изображением (рис. 1, 1, 2). Когда не удается сюжетно связать магистратский символ с тунцом, последний помещают в оставшейся свободной части монетного поля. На более поздних сериях тунец почти всегда занимает место под ногами фигур или под обрезом шеи (рис. 1, 3). Такая трактовка постоянного и переменного элементов монетного типа существенно отличается от обычного оформления древнегреческих монет, при котором городской герб занимает центральную часть монетного поля и значительно превосходит по масштабу периодически сменяющиеся друг друга магистратские дифференты (4). Вопрос о причинах и смысле выдвижения на первый план дополнительного элемента монетного типа и обусловленной этим калейдоскопической сменой изображений на кизикинах, а также на электровых гектах Фокея и Митилены, золотых статерах Лампсака (5) нельзя считать окончательно решенным. Однако, если учесть, что в наиболее близком кизикинам случае — при изготовлении фокейско-митиленских гект — устанавливалась строгая ответственность за намеренное ухудшение качества монетного металла (6), можно предполагать, что и в Кизике различие серий подчеркнуто крупными индивидуальными символами не было лишено значения дополнительной гарантии за соблюдение укакопленных норм чеканки монеты.

Такое значение сменяющихся типов на кизикинах не вызывает слишком острых разногласий среди тех ученых, которые безоговорочно признают общегосударственный характер кизикской монетной чеканки в целом. В этом случае главное изображение признают так или иначе связанным с личностью магистрата, непосредственно осуществлявшего наблюдение за изготовлением монет и соответственно несшего персональную ответственность за ее качество. Впервые вы-

сказанная Григвеллом, эта точка зрения получила поддержку большинства нумизматов конца XIX и XX вв. (7). При этом одни объявляют главные изображения родовыми гербами магистратов (8), другие рассматривают их как произвольные избираемые «марки» последних (9).

Не совпадают мнения нумизматов и в отношении периодичности смены магистратских знаков. Часть ученых склоняется к поддержке высказанного Сиксом предположения о ежегодной смене магистратов, ведавших изготовлением монеты, и соответственно о ежегодной смене главного изображения на кизикинах (10). Такой взгляд категорически отвергает Фритце (11), и не без оснований. В самом деле, если Григвеллу было известно 170 типов кизикинов, а Фритце 224, то в настоящее время их насчитывается 275 (12). При таком количестве типов приходится допускать строго регулярную и непрерывную чеканку кизикинов, что плохо согласуется как с историей Кизика, так и условиями денежного хозяйства в античном мире в конце IV в. до н. э., когда на смену кизикинам приходят золотые статеры Александра Македонского.

Ежегодность смены типов кизикского электра отвергает Карштедт, конструирующий оригинальную и принятую лишь немногими учеными картину эволюции кизикской чеканки (13). По его мнению, только первые выпуски кизикского электра могут рассматриваться в качестве общегосударственной монеты и переход тунца на подчиненное положение свидетельствует о том, что основная масса кизикинов изготовлялась как эмиссия частных лиц. Соответственно смена типов на кизикинах не стоит ни в какой связи со сменой городских должностных лиц. Государственный характер, по мнению Карштедта, могла носить лишь чеканка в Кизике монет из серебра. Частный характер изготовления кизикинов объясняет все трудности, возникающие при изучении этих монет, и не укладывающиеся в привычную схему эволюции античного монетного дела особенности: сохранение архаического облика монет в целом при четком стилистическом развитии изображений, анэпиграфность, многочисленность типов, специфическая роль кизикинов в обслуживании крупной торговли далеко за пределами Кизика и т. п.

Хотя этому построению нельзя отказать ни в логичности, ни в остроумии, оно все же представляется не более, чем гипотезой. В самом деле, если выбор типа зависел от произвола «крупных купеческих фирм» или от усмотрения заказчиков, остаются без удовлетворительного объяснения такие

существенные черты кизикской электровой чеканки, как обилие и неповторяемость изображений. Мало вероятно, что упоминаемые Карштедтом «фирмы» совершенно не дорожили своими отличительными символами и меняли их, едва только заканчивалась очередная серия эмиссий. Мало вероятно и то, что заказчики столь часто меняли однажды выбранный символ. Признавая частный характер чеканки кизикинов, не легко объяснить и неоднократно засвидетельствованные случаи воспроизведения иногородних городских гербов. Между тем, если видеть в сменяющихся типах кизикинов отличительные обозначения магистратов, трудности не так уж велики (14). Так, выбирая чужой монетный тип, магистрат мог руководствоваться личными или семейными связями, мог исходить из своих представлений о художественном совершенстве того или другого иноземного монетного изображения. Архаичность общего облика кизикинов и отсутствие легенды легко объясняется популярностью на внешнем рынке, что требовало сохранения традиционного внешнего вида монет. Слабые стороны гипотезы Карштедта особенно ярко видны при сопоставлении с электром Фокеи и Митилены. Договор о совместном выпуске этих монет прямо указывает на государственный характер чеканки. Между тем, гекты Фокеи и Митилены обнаруживают много общего с кизикинами. Поэтому государственный характер фокейско-митиленской чеканки косвенно указывает на аналогичную ситуацию в Кизике. Тот переход к новой типологии, который, по мысли Карштедта, означает победу частного чекана над государственным, а именно — лишение государственного герба значения основного типа — может найти объяснение в условиях развития монетного типа вообще. Назначение изображения состоит в охране целостности монетного слиточка и потому должно заполнять монетное поле таким образом, чтобы не допустить хищения металла. С этой точки зрения тунец представляет явно невыгодный сюжет. Поэтому вначале тунец выступает в сочетании с другим тунцом или с его частями. Чтобы согласовать неудобства изображения тунца с требованиями техники монетного дела, резчики штемпелей низводят его до положения добавочного символа, сохраняя на реверсе такой архаический признак, как вдавленный квадрат. Точно также на фокейских гектах тюлень переходит на место дополнительного типа (15).

Стремление удержать господствующее положение на международном рынке требовало строгого контроля над весом

и особенно качеством металла. Если курс кизикинов на рынке соответствовал их действительному металлическому содержанию, а не рассматривался как естественный сплав с условным соотношением золота и серебра, контроль над качеством каждой серии был совершенно необходим. Этот контроль облегчалось помещением в качестве основного типа знаков ответственных за выпуск лиц. Определить частоту смены этих знаков в настоящее время не представляется возможным.

Вероятно, все возраставшие потребности в международной валюте, каковой являлись кизикины, привели к необходимости увеличения серий и работы одновременно нескольких магистратов, лично отвечавших за каждую эмиссию. Возможно, что один и тот же чиновник должен был отличать каждую новую партию выпускаемых им монет, что достигалось сменой его личного знака.

Сохранение неизменного общего облика кизикинов сочеталось с хорошо прослеживаемым изменением стиля изображений. Наблюдения над стилем изображений лицевой стороны легли первоначально в основу хронологической классификации этих монет. Вавилон вообще считал стилистический анализ единственным возможным критерием хронологической принадлежности кизикинов (16). Впоследствии стилистические наблюдения над изображением лицевой стороны успешно были дополнены изучением характера вдавленного квадрата на обороте (17). Такой метод по отношению к кизикинам хорошо оправдал себя, т. к. всякий стилистический анализ является в какой-то мере субъективным и потому опирающиеся на этот анализ выводы не могут считаться окончательными (18).

Значение использования стилистических признаков монетного типа хорошо видно при рассмотрении вопроса как общей продолжительности, так и непрерывности работы монетного двора Кизика (19). Как раз стилистические наблюдения являются главным аргументом сторонников непрерывности выпуска кизикинов, в то время как противники такой точки зрения опираются главным образом на конкретную политическую историю города (20).

Именно на основании особенностей стиля Фритце относит подгруппу «А» второй группы своей классификации ко второй половине VI в. до н. э. Но является ли архаический стиль этих монет неопровержимым доказательством того, что они изготовлены до начала Ионийского антиперсидского восстания? Очевидно, нет и вот почему. Во-первых, отдельные чер-

ты архаики дают о себе знать в греческом искусстве еще и в эпоху классики. Во-вторых, развитие монетной глиптики несколько отставало от других видов изобразительного искусства, т. к. черты нового проникали в монетное дело лишь тогда, когда это новое окончательно утверждало себя в скульптуре, вазовой живописи. Поэтому нет ничего невозможного в том, что еще в первые десятилетия V в. до н. э. (к этому времени некоторые исследователи относят указанную подгруппу Фритце), когда принципы реалистического искусства только прокладывают себе дорогу, резчики штемпелей кизикских монет работают в традициях, близких искусству VI в. до н. э. К тому же, среди кизикинов этой группы более или менее выраженными архаическими признаками обладают немногие типы. Но даже эти монеты можно поместить в начале V в. до н. э. Так, в архаическую эпоху бегущего человека изображали в так называемой схеме «бега на коленях». Однако такое условное изображение бытует в греческом искусстве еще в середине V в. до н. э. Тем более такой консерватизм возможен в монетной глиптике. На кизикинах «бег на коленях» встречается довольно часто, но манера исполнения близка именно к искусству V в. до н. э. Надо также принять во внимание, что кизикины часто копируют известные памятники искусства. В таком случае в начале V в. до н. э. в качестве магистратского символа могла служить копия статуи архаической эпохи. Примером несоответствия стиля изображения и датировки монеты на основании других признаков может служить статер с изображением всадника на спокойном идущем коне (рис. 1, 4), очень близком афинской стеле IV в. до н. э. (21).

Гораздо более результативным для определения хронологии отдельных серий оказывается рассмотрение сюжета магистратского символа на фоне политической истории Кизика. Так, например, некоторые изображения на кизикинах имеют прямое отношение к памятникам афинского монументального искусства. Сюда принадлежит воспроизведение скульптурной группы тираноубийц, Геи с младенцем Эрихтонием, бегущей Ники, полководца Хабрия (рис. 1, 2), Афины с афластоном (22). Хронологическая принадлежность этих монет устанавливается на основании взаимоотношений Кизика с Афинами. Речь идет о вхождении города в состав Афинского морского союза и превращении по существу кизикского монетного двора в филиал афинского, что объясняет афинскую тематику кизикских статеров.

Значение типов кизикских монет как источника не ограничивается, разумеется перечисленными аспектами. Обширный репертуар изображений и их художественные достоинства заслуживают специального изучения, что выходит за рамки нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bodenstadt F. Die Elektranmünzen von Phokaia und Mytilene. — Tübingen, 1981; Vorstufen der Porträtkunst in der ostgriechischen Münzprägung der 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // Proceed. of the 9th International Congress of Numismatics. — Bern, 1979; Schwertheim E. Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. — I. — Bonn, 1980; II. — Bonn, 1983.
2. A. Baldwin. The gold staters of Lampsakos. — AJN. — LIII. — 1949. — P. 42; The electrum coinage of Lampsakos. — New-York, 1914; Healy J. F. The composition of Mytilenean electrum. — Actes du Congrès International de Numismatique. — Paris, 1953. — T. II. — P. 523.
3. H. von Fritze. Die elektronprägung von Kyzikos. — Nomisma. — 1912. — VII. — S. 17; Die Silberprägung von Kyzikos. — Nomisma. — 1917. — IX. — S. 34.
4. Canman A. The symbols on staters of Corinthian type. — NNM. 61932. — № 53; Thompson M. The new style silver coins of Athens. — New-York, 1961. — P. 600—608.
5. Baldwin A. The gold staters... — P. III. — № 4; Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. — Paris. — 1907—1910. — II, 2. — P. 1195—1230. — PL. CLVIII—CLXI.
6. Tod M. N. A selection of Greek historical inscription. — Oxford, 1948. — P. 34—35. — № 112.
7. Greenwell W. The electrum coinage of Cyzicus. — NC. — 1887. — P. 35; Head B. M. Historia Numorum. — Oxford, 1911. — P. LVIII—LXXXIII; Babelon E. Traité... II, 1. — P. 150; Gardner P. A history of ancient coinage 700—300 B. C. — Oxford, 1918. — P. 72; Regling K. Die antike Münzen als Kunstwerk. — Berlin, 1925. — S. 89.
8. Seltman C. Greek coins. A history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdom. — London, 1955. — P. 117.
9. Macdonald G. Coin types, their origin and development. — Glasgow, 1905. — P. 59; H. von Fritze. Die Elektronprägung... — S. 9.
10. Six J. Monnaies grecques inédites et incertaines // NC. — 1898. — P. 171; Babelon E. Op. cit. — P. 1500; Gardner P. Op. cit. — P. 332; Seltman C. Op. cit. — P. 113, 118; Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с замечательными типами // ИГАНМК. — 1927. — В. V. — С. 390.
11. H. von Fritze. Op. cit. — S. 33; Macdonald G. Op. cit. — P. 40; Greenwell W. Op. cit. — P. 30.
12. Kaizer-Raiss M. K. Eine Fernhandelswährung Antike: die Electronprägung von Kyzikos // Forschungen Frankfurt. — 1984. — № 1. — S. 3.
13. Kahrstedt U. Athenische Wappenmünzen und Kleinasiatisches Elektron // Deutsches Jahrbuch für Numismatik. — 1939. — II. — S. 94 ff.
14. Ср. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. — 1951. — 16. — С. 59—60.
15. Head B. V. Catalogue of the Greek coins of the British Museum of Ionia. — London. — 1892. — P. 94.
16. Babelon E. Op. cit. — II, 1. — PP. 151—152.

17. Greenwell W. Op. cit. — P. 28; Wroth. Catalogue of the Greek coins of the British Museum of Mysia. — P. XVII; H. von Fritze. Die Elektronprägung... — S. 2 ff.

18. Cahs H. A. Analyse et interpretation du style // Congrès International de Numismatique. Paris, 1953. — Paris, 1957. — V. 2. — P. 37.

Laloux M. Quelques paralleles stylistiques entre les types monetaires cyziens et l'art du VI-e au IV-e s. avant J. C. // Actes du Congrès International de Numismatique. — Paris, Bale, 1976; Gilliland C. L. Coins: Mirror of Art and History // The Numismatist. — 1981. — V. 94. — № 12.

19. Brett A. Museum of Fine Arts, Boston, Catalogue of greek coins. — 1955. — P. 185, 187, 191, 195, 201; Kraay C. M. Greek coins. — L., 1966. — P. 368—370. — Pl. 198—200. — № 698—722.

20. Babelon E. Op. cit. — II, 1. — P. 149, 152, 157; Gardner P. Op. cit. — P. 81, 85; Burns A. R. Money and monetary policy in early times. — London, 1927. — P. 91, 144, 272.

21. Seltman C. Athens, its history and coinage before the Persian invasion. — Cambridge, 1924. — P. 141, fig. 74.

22. H. van Fritze. Die Elektronprägung... — T. IV, 39.